

Русские эмотивные глаголы в семантической классификации предикатов

Ольга А. Кукатова^{а, @}

^а Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Узбекистан, г. Ташкент

[@] kukatova.olga@mail.ru

Поступила в редакцию 30.11.2019. Принята к печати 30.12.2019.

Аннотация: Статья посвящена предикатам, выраженным возвратными эмотивными глаголами русского языка. Предметом рассмотрения являются высказывания, содержащие возвратные эмотивные глаголы и их конверсивные корреляты типа *волноваться – волновать, тревожиться – тревожить, сердиться – сердить*. Цель – определение места указанных пар эмотивных глаголов в семантической классификации предикатов русского языка. Метод семантического тестирования на локализованность / нелокализованность на оси времени, контролируемость / неконтролируемость дает возможность отнесения данных предикатов к тому или иному классу, а также выявления в их семантической структуре производного значения, не фиксируемого толковыми словарями русского языка. Результатами исследования можно считать отнесение исследуемых предикатов в два семантических класса: свойства и состояния, – что находит подтверждение в результатах семантических тестов на локализованность / нелокализованность на оси времени, контролируемость / неконтролируемость. Согласно проведенным тестам, предикаты, выраженные конверсивными парами эмотивных глаголов, входят в группу предикатов состояния, что обусловлено их локализованностью на оси времени. Семантический признак неконтролируемости присущ исследуемым предикатам состояния в эмотивном значении. Приобретение этими предикатами значения «целенаправленная деятельность», «имитация эмоционального состояния», «возможность, долженствование» и, соответственно, признака контролируемости относит их в группу предикатов деятельности.

Ключевые слова: семантическая роль, предикат свойства, предикат состояния, Эксперимент, Агенс

Для цитирования: Кукатова О. А. Русские эмотивные глаголы в семантической классификации предикатов. 2020. Т. 22. № 1. С. 242–250. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250>

Введение

Современные классификации предикатов русского языка строятся на различных основаниях, наиболее важными из которых являются логико-синтаксическое и семантическое. В основу данных классификаций так или иначе положены категории, выделенные еще Аристотелем: количество, качество, отношение, сущность, состояние, действие, претерпевание [1]. Как отметил Л. В. Щерба, каждая группа категорий находит свое соответствие в члестеречной системе языка: предикаты действия, процесса выражаются глаголами, предикаты качества выражаются прилагательными, наречиями, предикаты состояния – словами категории состояния [2].

На логико-синтаксическом основании построена классификация предикатов, предложенная Н. Д. Арутюновой. В ней исследователь выделяет предикаты пропозиционального отношения (глаголы говорения, сообщения, суждения, памяти, знания, эмоционального переживания, оценочного суждения типа *знать, говорить, сказать* и т. д.), качественно-логические предикаты (глаголы эмоционального воздействия и их перифрастические аналоги типа *удивлять, вызывать удивление*), предикаты каузации (*ломать, валить*), межсобытийные предикаты, «указывающие на отношения между двумя ситуациями» (*причинять*) [3, с. 153–178].

На комплексе семантических признаков построена классификация предикатов русского языка Т. В. Булыгиной [4]. Исследователь выделил предикаты состояния, качества, явления, а также предикаты свойства, отношения и деятельности¹. Каждая группа предикатов обладает определенной конфигурацией семантических признаков: временная локализованность / невременность, контролируемость / неконтролируемость, статичность / динамичность, которые выявляются с помощью системы семантических тестов. Признак временной отнесенности связывается Т. В. Булыгиной с денотативным статусом окружающих имен. По ее мнению, «актуальное употребление предиката и нереперентность имен взаимно несовместимы» [4, с. 29]. Семантический признак *временная локализованность / невременность* положен в основу разграничения явлений и качеств. Под локализованными во времени явлениями понимаются «события и процессы, представленные как конкретные, реально происходящие (происходившие, произошедшие) в некоторый момент или период времени» [4]. Качества же как класс предикатов характеризуются относительной независимостью от течения времени и выполняют характеризующую функцию, т. е. «характеризуют сам мир, для которого истинна соответствующая предикация», а явления (проявления), напротив,

¹ Характеризуя каждый тип предиката, Т. В. Булыгина обращает внимание на определенную размытость границ между различными типами [4, с. 66].

способны описывать «момент или отрезок существования объекта» [4, с. 17–19]. Например, *снег бел* (качество) – *снег белеет вдаль* (явление). Признак вневременности является «существенной характеристикой адъективных и субстантивных предикатов», тогда как локализованность во времени характеризует большую часть глаголов русского языка, т. к. у них имеется «способность к "актуальному" употреблению, указывающему на эпизодический, преходящий характер соответствующего положения вещей, его прикрепленность к конкретному временному отрезку» [4, с. 14–15].

Предикаты, относящиеся к явлениям, Т. В. Булыгина делит на две группы: статические и динамические. Статические явления, обозначаемые предикатами типа *лежать, висеть, сидеть*, указывают на «стабильность соответствующего положения вещей», а динамические (типа *бежать*) указывают на развивающиеся во времени действия [4, с. 13].

Предикаты качества и предикаты явления различаются также признаком контролируемости, который характеризует «роль субъекта в определении того, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей» [4, с. 21]. Предикаты явления могут быть неконтролируемыми (*светает*) и контролируемыми (*он бежит*), в то время как предикаты качества обладают признаком неконтролируемости (ср.: *он ленив*, но невозможно *он намеренно ленив*).

Признак *временная локализованность / вневременность* присущ и характеризующим глагольным предикатам, а именно предикатам свойства и отношения. К подгруппе предикатов свойства отнесены такие, как *зависеть, обладать, знать (математику), соответствовать*; к подгруппе предикатов отношения – *ненавидеть, любить*. Т. В. Булыгина подчеркивает, что высказывания с этими предикатами не могут служить ответом на вопросы «Что он сейчас делает? Что он тогда делал? Чем он был занят? Почему он отсутствует?» [4, с. 44]. Признак нелокализованности во времени обуславливает невозможность: 1) образования от данных предикатов производных с приставкой *по-*, имеющих уменьшительно-ограничительное значение (**он ее поненавидел и перестал*)²; 2) сочетания с показателями длительности типа *целыми неделями, часами, годами, и день и ночь (*он часами полагал, что...)*; 3) сочетания с показателями повторяемости действия *иногда, часто, редко (*она редко знает японский язык)* [4, с. 46–47].

Предикаты состояния обладают признаком временной локализованности, т. к. они описывают «временные стадии существования предмета (лица), приписывая ему... признак, актуальный для данного отрезка времени» [4, с. 33]. Признак временной локализованности проявляется в неспособности предикатов состояния сочетаться с именами, имеющими неопределенный денотативный статус (**любой ребенок болен*, но возможно *мой ребенок болен*). Говоря о локализованности во времени предикатов состояния, Т. В. Булыгина отмечает, что они способны обозначать как отрезок на временной оси (*он уже сутки болен*), так и повторяющиеся действия (*в такие*

минуты ему всегда грустно) [4, с. 34]. Это свойство предикатов состояния проявляется в сочетаемости с показателями: *в такие дни, в минуту жизни, в подобные моменты* [4, с. 36].

В сочетании с показателями *редко, часто, всегда, постоянно, обычно* предикаты состояния «характеризуют временные периоды существования субъекта» (*он иногда бывает невеселым*) [4, с. 37]. Т. В. Булыгина замечает, что даже если в высказываниях с предикатами состояния субъект имеет неопределенный денотативный статус, «предикат состояния описывает определенные эпизоды (стадии существования) лиц (предметов), ... а не устанавливает концептуальную связь между субъектом и признаком» [4, с. 38]. Отмечено, что, кроме указанных признаков, предикаты состояния характеризуются статичностью, которая проявляется в невозможности сочетаться с наречиями типа *постепенно, быстро, внезапно, вдруг (*он внезапно утомлен)* [4, с. 39]. Наряду с этим им свойственны признаки длительности и неконтролируемости.

Охарактеризованность по свойству длительности проявляется в неспособности предикатов состояния сочетаться со словами, обозначающими конкретное время (**в 12 часов он утомлен*), а неконтролируемости – в невозможности сочетаться с наречиями цели типа *намеренно (*он намеренно утомлен)*.

Сочетаемость со словами *всегда, постоянно, обычно* Т. В. Булыгина считает показателем, разграничивающим предикаты состояния, с одной стороны, и предикаты качества / свойства, с другой. Если введение данных наречий в контекст не превращает высказывание в аномальное или существенно не меняет его значение, то мы имеем дело с предикатами состояния [4, с. 52].

Предикаты состояния сближаются с предикатами свойства тем, что сочетаются с делимитативными глаголами *перестать, прекратить(ся)* (*перестать волноваться*, но невозможно **кончить волноваться*) [4, с. 58]. Свообразным развитием такого подхода можно считать более частные исследования. Например, изучение синтаксических и семантических свойств отдельно взятых предикатов [5–7], рассмотрение взаимодействия семантических различий предикатов с их видовыми характеристиками [8; 9], сочетаемость определенного типа предикатов [10; 11], соотношение семантических категорий и классов предикатов [12], изучение коммуникативной перспективы высказывания, а также характера презумпций [13; 14], анализ тема-рематического устройства предложения и интонации в высказываниях, содержащих определенный тип предиката [15], соотношение определенного типа текстов и типологии глагольных предикатов [16].

Соотношение эмотивных глаголов русского языка с признаком временности / вневременности

В классификации Т. В. Булыгиной нет предикатов, которые выражены возвратными эмотивными глаголами русского языка типа *сердиться, удивляться* и их конверсивными коррелятами типа *сердить, удивлять*.

² Здесь и далее звездочкой обозначены семантически неверные примеры.

Важнейшей особенностью большинства исследуемых глаголов является способность формировать конверсивные пары, в которых переходный глагол выражает значение каузации («вызывать в ком-либо эмоцию под влиянием определенных причин») [17; 18], например, *волновать* – вызывать волнение, *страшить* – вызывать страх. Второй глагол – возвратный – имеет значение эмоционального состояния (*беспокоиться*, *волноваться*, *сердиться*, *пугаться*, *страшиться* и др.) [19, с. 75–121]. Такой глагол принято называть эмотивным декаузативом, т. е. таким, который не имеет семы «каузация» [20]. Эмотивными мы будем называть и глагол эмоциональной каузации (типа *волновать*), и эмотивный декаузатив (типа *волноваться*).

Традиционно считается, что возвратные эмотивные глаголы образуются от соответствующих невозвратных (переходных) глаголов, которым присущ семантический признак *каузативности*. Присоединение постфикса *-ся* лишает глагол данного семантического признака. В грамматическом плане постфикс *-ся* является носителем значения непереходности и имеет общевозвратное значение. Однако семантическое соотношение глаголов в парах типа *сердиться* – *сердить*, *страшиться* – *страшить* и подобных не представляется столь однозначным. По мнению И. С. Ууханова, отсутствие семантического признака каузативности в возвратном эмотивном глаголе и его наличие в переходном говорит о большей семантической сложности переходного глагола [21, с. 80]. Если же говорить о семантическом соотношении высказываний с переходным и возвратным глаголами, то в высказывании с переходным глаголом имеет место «выдвижение в позицию грамматического субъекта имен неодушевленных предметов и явлений, не способных быть реальным субъектом действия и состояния, ... каузативная функция этих имен свидетельствует о вторичности, усложненности состава данных предложений» [22, с. 295].

Наряду с этим исследователи отмечают, что в паре *переходный* – *возвратный* эмотивный глагол последний обозначает ненамеренное действие, а их каузативные корреляты способны обозначать как намеренное, так и ненамеренное действие³ [23, с. 154, 163]. Отношения в паре *переходный* – *возвратный* эмотивный глагол являются конверсивными, т. е. объект в высказывании с переходным глаголом соответствует субъекту в высказывании с возвратным глаголом и наоборот [23, с. 157].

Мысль, что предикаты, выраженные возвратными эмотивными глаголами русского языка, относятся к предикатам состояния, в самом общем виде была высказана И. Н. Яковлевой [24]. Однако семантические тесты на признак временной локализованности в высказываниях с данными предикатами не дают столь однозначного ответа.

Тест № 1⁴. На сочетаемость конверсивных пар эмотивных глаголов с темпоральными показателями *вечером*, *утром*,

днем, *вчера*, *весь день* и другими, обозначающими отрезок на временной оси. Ср.: 1а. *Вчера он сердился на сына (огорчился по всякому поводу, раздражался по всяким пустякам, бесился от нетерпения, злился на прислугу, возмущался поведением сына, смущался зайти, стыдился своего поступка, беспокоился за мать, тревожился за друга). Весь день он чего-то страшится, но невозможно *1б. Весь день (вчера, утром) он ужасался предательству.* Таким образом, глаголы *волноваться*, *сердиться*, *огорчаться*, *раздражаться*, *злиться*, *возмущаться*, *смущаться*, *стыдиться*, *беспокоиться*, *тревожиться*, *страшиться*, *удивляться*, *поражаться*, *изумляться* способны обозначать отрезок на временной оси и поэтому могут быть отнесены к предикатам состояния. Глагол *ужасаться*, не обладая способностью сочетаться с темпоральными показателями данного типа, относится к предикатам свойства. Что касается соотносительных высказываний с переходными глаголами, то они некорректны (**вчера сын сердил / волновал его*). Более естественными являются высказывания с глаголами совершенного вида (*вчера сын рассердил / разволновал его*) или конструкции с отрицанием (*не сердил меня*).

Тест № 2. На сочетаемость конверсивных пар эмотивных глаголов с темпоральными показателями *редко*, *часто*, *постоянно* и др., обозначающими повторяемость состояния, переживаемого субъектом. Ср.: 2а. *Он постоянно (часто, редко) волновался за жену (сердился на учеников, раздражался (злился) по пустякам, огорчался по всякому поводу, возмущался недисциплинированностью подчиненных, постоянно бесился от ревности, смущался (стыдился) своего происхождения, беспокоился за отца, тревожился за брата). Он постоянно удивлялся (поражался, изумлялся) тому, как другу удавалось пройти незамеченным, но невозможно *2б. Он постоянно (часто, редко) чего-то ужасался.* В контексте слов *постоянно*, *часто*, *редко* употребительны и каузативные корреляты данных предикатов, которые также являются предикатами состояния: *Его редко что-то раздражало (злило, возмущало). Его постоянно страшила перспектива потерять работу (пугала собака, волновали финансовые проблемы, сердили домашние, удивляли коллеги). Ученики постоянно сердили его. Его постоянно удивляло (поражало, изумляло) то, как другу удавалось пройти незамеченным. В последнее время он постоянно чего-то страшился* и т. д. В контексте показателя *постоянно* указанные предикаты, выраженные глаголами *волноваться*, *сердиться*, *огорчаться*, *раздражаться*, *злиться*, *возмущаться*, *смущаться*, *стыдиться*, *беспокоиться*, *тревожиться*, *страшиться*, *удивляться*, *поражаться*, *изумляться*, обозначают эпизоды, стадии существования, т. е. локализованы на оси времени и входят в группу состояний (2а). Глагол *ужасаться* относится к предикатам свойства (2б), поскольку сочетаемость данного глагола со словами *постоянно*, *часто*, *редко* и т. п. оказывается невозможной.

³ Под намеренным действием понимается наличие в глаголе семы «воздействовать на кого-либо, каузируя в нем эмоцию». При этом переходный глагол присоединяет постфикс *-ся* только в значении ненамеренного действия.

⁴ О семантических тестах на разграничение предикатов состояния и свойства см. [4].

Тест № 3. На сочетаемость конверсивных пар эмотивных глаголов со словами *стать / перестать*, указывающими на переход субъекта в новое состояние⁵. Ср.: За. Он стал / перестал волноваться (*сердиться, тревожиться*) по поводу работы, удивляться ее вкусам, злиться на сестру, раздражаться из-за постоянных нападок, беситься от обиды, смущаться внимания к себе, беспокоиться за отца, злиться на брата, страшиться выходить на улицу, стыдиться своих родителей. Или: Аргамаки их стали беситься, сбрасывая с себя седоков (Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 г.). Соотносительные конструкции возможны со всеми каузативными коррелятами, реализующими эмотивное значение. 3б. Сестра стала / перестала его злить. Постоянные нападки коллег стали / перестали раздражать его (эмотивное значение). Однако глагол *стыдиться* прочитывается в значении целенаправленной деятельности, т. к. он содержит сему «намеренно»: 3в. Родители стали / перестали стыдиться его (значение целенаправленной деятельности). В отличие от перечисленных предикатов состояния, глагол *ужасаться* не сочетается со словом *стать*. Ср.: невозможность высказывания типа *3г. Он стал ужасаться чему-либо, где предикат, выраженный глаголом *ужасаться*, ведет себя как предикат свойства, т. е. не локализован на оси времени.

Тест № 4. На сочетаемость предикатов, выраженных эмотивными глаголами *страшиться, пугаться, ужасаться, восхищаться, изумляться* и их конверсивными коррелятами, с фазисными глаголами *начать, продолжить, кончить*. Ряд эмотивных глаголов русского языка не может сочетаться с фазисными глаголами. Это прежде всего *страшиться – страшить, пугаться – пугать, ужасаться – ужасать, восхищаться – восхищать, изумляться – изумлять*. Так, семантически неверными являются высказывания типа *4а. Продолжил ((за)кончил, начал) пугаться (страшиться, ужасаться, изумляться, восхищаться), а также невозможна сочетаемость с соответствующими каузативными коррелятами *Продолжил ((за)кончил, начал) изумлять, возмущать, восхищать, страшить, ужасать). Однако анализ материала показывает, что эмотивные глаголы *волноваться, тревожиться, сердиться, раздражаться, злиться, беситься, удивляться, смущаться* и их переходные корреляты все же сочетаются с фазисным глаголом *начать*. 4б. Начал злиться (*беситься, удивляться, волноваться, тревожиться, сердиться, раздражаться, возмущаться, смущаться*). Он начинает его этим раздражать (*удивлять, сердить, волновать, злить, пугать*), но невозможно *4в. Он кончил (продолжил) из-за чего-либо волноваться (*тревожиться,*

сердиться, раздражаться, злиться, беситься, удивляться, возмущаться, смущаться). Возможной оказывается и сочетаемость лексемы *кончить* в императивной форме с глаголами *возмущаться, злиться, сердиться*. 4г. Кончай злиться (*сердиться, возмущаться*)! В примерах типа 4г данные предикаты, выраженные эмотивными глаголами, наделены семантическим признаком контролируемости и по своему значению приближаются к классу предикатов активной деятельности (*Кончай работать! Кончай разговаривать!*).

В этом отношении совершенно особыми являются сочетаемостные особенности глаголов конверсивной пары *возмущаться – возмущать*, в которой возвратный глагол *возмущаться* сочетается с *начать*, а переходный не сочетается. Ср.: 4д. Начал поминутно возмущаться, но невозможно *Начал возмущать, а также *Кончил продолжил / возмущаться (*возмущать*).

Тест № 5. На сочетаемость эмотивных глаголов с темпоральным наречием *всегда*⁶. Ср.: 5а. Люди так устроены: они всегда чего-то страшатся. Людей всегда что-то страшит, где *всегда* характеризует субъект, а *страшиться* прочитывается как свойство человека. 5б. Иван всегда (все время, постоянно) чего-то страшится, чего-то пугается; из-за чего-то раздражается (*злится, беспокоится, тревожится, волнуется, чему-то удивляется, огорчается, поражается, изумляется, кого-то смущается, чего-то стыдится, от чего-то бесится, возмущается. Его всегда что-то злит, беспокоит, тревожит, волнует, удивляет, огорчает и т. д.*), где наречие *всегда* характеризует и субъект, и предикат⁷. Подобная сочетаемость исключена с глаголом *ужасаться*. *5в. Иван всегда чего-то ужасается – Ивана всегда что-то ужасает. Употребление в данных контекстах наречия *всегда* обуславливает преимущественное использование неопределенного местоимения *кого-то, чего-то* в качестве правостороннего актанта. Данный семантический тест демонстрирует способность лексем *возмущаться, смущаться, стыдиться, беспокоиться, тревожиться, страшиться, волноваться, сердиться, огорчаться, раздражаться, злиться, удивляться, поражаться, беситься, изумляться* функционировать как предикаты состояния. Глагол *ужасаться* относится к свойствам.

Тест № 6. Особенности словообразовательной активности эмотивных глаголов, а именно возможность образования от них производных с уменьшительно-ограничительным значением при помощи приставки *по-*. Лексемы *злиться, возмущаться, волноваться, сердиться, беспокоиться, тревожиться, огорчаться, раздражаться, смущаться, стыдиться, страшиться, удивляться, поражаться, изумляться,*

⁵ Как показывает анализ характера сочетаемости конверсивных пар эмотивных глаголов с фазисными глаголами, последние могут характеризовать либо само действие, либо субъект состояния. Так, фазисные глаголы *начать / начинать, кончить / кончать, продолжить / продолжать* характеризуют фазы самого действия, в то время как глаголы *стать / становиться, перестать / переставать* характеризуют субъект и его переход в новое состояние. Например, стал тревожиться – перешел в состояние тревоги, перестал тревожиться – обрел состояние покоя. В соответствии с этим в данном исследовании указанные ряды фазисных глаголов последовательно разграничиваются.

⁶ Т. В. Булыгина говорит о двух значениях наречия *всегда*: 1) темпоральное, в котором оно характеризует продолжительность действия [4, с. 48]; 2) характеризующее, в котором оно определяет сам предикат и / или его субъект [4, с. 55].

⁷ Темпоральный показатель *всегда* характеризует продолжительность действия, например в высказываниях с предикатами действия: Он всегда приезжает на работу вовремя.

ужасаться не способны обозначать фазу действия, вследствие чего производные типа ба. **пострашился* (*поизумлялся, пораздражался, попугался, поудивлялся, потревожился, поужасался, поогорчался, попоражался* и др.) невозможны. Однако разговорная речь изобилует конструкциями типа бб. *Поогорчался и хватит! Пораздражался и будет! Позлился и хватит!* Соотносительные конструкции с переходным глаголом возможны только в значении целеполагания: *Я потревожу Вас немного? Иван позлил брата и перестал. Он его попугал немного. Думал: сработает.*

Особое место среди предикатов, выраженных эмоциональными глаголами русского языка, занимают лексемы *пугаться* и *пугать*. *Пугаться* может обозначать: а) ряд кратковременных состояний. 7а. *Я долго не могла уснуть, поминутно пугаясь крика совы и других лесных звуков...* 7б. *Я часто пугался, когда он обращался ко мне с речью, сопровождая ее энергичной жестикуляцией исключительно для меня;* б) отрезок времени. 8а. *Добрый конь поначалу пугался черной воды, журчавшей возле самого уха, потом, ободренный присутствием хозяина, успокоился и привык.* 8б. *Кажется, временами он пугался самого себя* (из разг. речи). Но указание на ограниченный временем отрезок времени невозможно. *8в. *С пяти до семи Игорь пугался, а потом уезжал на работу.* Соответствующий переходный глагол *пугать* имеет те же свойства и сочетаемость. 9а. *Каждый раз его пугали сильная гроза и гром.* 9б. *Раньше его пугали резкие и безапелляционные оценки окружающих.*

Приведенные примеры показывают, что русский язык интерпретирует состояние *пугаться* как а) неопределенно-ограниченное во времени, без четких границ; б) точку на временной оси. Вместе с тем можно говорить и об общих признаках предикатов свойства и состояния, по которым они противопоставляются активным действиям [4, с. 56–59]. Данную семантическую близость выявляет семантический тест на невключенность исследуемых предикатов в ряд предикатов активного действия: *10а. *Игорь огорчался (злился и т. д.), а затем пошел на работу (начал читать книгу, смотреть футбол).*

Соотношение конверсивных пар эмоциональных глаголов с признаком контролируемости / неконтролируемости

Семантический признак контролируемости (активности, агентивности) характеризует некую ситуацию, в которой субъект действия способен воздействовать на ход события и его последствия. Контролируемые положения вещей связаны с волей и выбором субъекта ситуации. Соответственно, признак неконтролируемости по указанным параметрам противоположен контролируемости [25]. Данный семантический признак приписывается либо предикату [4], либо ситуации в целом [13, с. 158].

Понятие контролируемости / неконтролируемости изучается лингвистами с различных позиций. Основными

направлениями изучения данного семантического признака являются, во-первых, определение взаимосвязи контролируемости / неконтролируемости с типом предиката (состояние, действие, процесс и др.) [26; 27] и, во-вторых, выявление системы грамматических средств выражения контролируемости [4, с. 21].

Анализируя контролируемые / неконтролируемые положения вещей с точки зрения взаимосвязи этого признака с типом предиката, Т. В. Булыгина разграничивает, прежде всего, предикаты действия (*бежать, говорить, ходить*), относимые ею к контролируемым, и предикаты состояния (*болен, здоров, раздражен, влюблен, рад*), относимые к неконтролируемым (ср.: 1а. *он болен, но невозможно* *1б. *он намеренно болен, 1в. он намеренно (специально) громко читает (бежит по утрам, говорит колкости)*) [4, с. 30–39]. Кроме сочетаемостных ограничений, исследователь указывает на другие признаки, «свидетельствующие о грамматической сущности рассматриваемого признака» [4, с. 69]. Таковыми являются:

1) невключенность предикатов состояния в сложноподчиненные предложения с придаточными цели и невозможность препозиции придаточного предложения с союзом *чтобы*, что служит различительным признаком контролируемых и неконтролируемых положений дел [4, с. 70]. Ср.: 2а. *Он все-таки нашел эту книгу, чтобы узнать интересующую его информацию.* 2б. *Чтобы узнать интересующую его информацию, он нашел эту книгу.* 3а. *Ветер утихает, чтобы через мгновение задуть с новой силой, но невозможно* *3б. *Чтобы через мгновение задуть с новой силой, ветер утихает;*

2) невозможность употребления предикатов, обозначающих неконтролируемое положение дел, в утвердительных императивных конструкциях типа **Болей!* [4, с. 71];

3) предикату, обозначающему контролируемое положение вещей, в утвердительных конструкциях соответствует несовершенный вид императива в конструкциях с отрицанием. Ср.: 4а. *Защити диссертацию.* 4б. *Не защищай диссертацию, но невозможно* *4в. *Не защити диссертацию* [4, с. 75].

Рассмотрим место конверсивных пар эмоциональных глаголов русского языка в семантической классификации предикатов по признаку контролируемости, противопоставив в их семантической структуре два основных значения: эмоциональное⁸ и значение интеллектуальной деятельности.

Тест № 1. На сочетаемость предикатов, выраженных эмоциональными глаголами русского языка, в эмоциональном значении с наречиями *намеренно, специально*⁹. *5а. *Он намеренно (специально) пугается (волнуется, бесится, поражается, изумляется, страшится, ужасается, стыдится, смущается).* Употребление некоторых из данных предикатов становится возможным в конструкции типа *делает вид, что сердится* (*злится, пугается*), что говорит о приобретении ими значения «имитация эмоционального состояния» и о их переходе в класс предикатов деятельности. Наиболее часто в данном значении

⁸ Эмоциональные глаголы русского языка имеют два значения: собственно эмоциональное (первичное) и значение интеллектуальной деятельности (вторичное) [28].

⁹ Здесь и далее тесты на выявление семантического признака контролируемости даны по Т. В. Булыгиной [4].

употребляются предикаты *пугаться, сердиться, удивляться, смущаться, злиться*. Ср.: *Сб. Он делает вид, что злится (сердится), чтобы вызвать ответную реакцию*. Высказывания с другими предикатами некорректны: **Он делает вид, что страшится (стыдится)*. Скорее, *Он изображает испуг (смущение)*.

По замечанию Н. Д. Арутюновой, предикаты, выраженные переходными глаголами типа *пугать, сердить, тревожить, раздражать* и т. д., в контексте наречий *намеренно, специально* получают нехарактерное для глаголов эмоционального воздействия значение «целенаправленная деятельность» [3, с. 156–157]. Ср.: *6а. Брат пугает нас своими переживаниями (словами об отъезде)*. *6б. Брат специально (намеренно) пугает нас своими переживаниями*. В примере *6а* актант *брат* не получает значение активного целеполагающего субъекта. Однако в примере *6б* введение в контекст наречий *специально, намеренно* наделяет предикат *пугать* значением «целенаправленная деятельность». Это, как видим, влечет за собой модификацию семантической структуры предиката и изменение набора семантических ролей в высказывании. Субъект становится активным, целеполагающим и получает семантическую роль Агенса.

Контекстом, изменяющим семантический тип предиката в высказываниях с эмотивными глаголами, могут быть и наречия *открыто, зря* и др. *7а. Соловков в 20-е годы уже не таили, Соловками открыто пугали* (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ). *И напечаталось и перепечаталось в большой вольной прессе, нашей и западной, от имени Сокола-Буревестника, что зря Соловками пугают, что живут здесь заключенные замечательно* (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ). Однако в контекстах, где Каузатор обладает культурно-значимыми коннотациями в сознании носителей языка и ситуация является хорошо знакомой, каузативный коррелят возвратного эмотивного глагола не нуждается в специальных операторах смысла для приобретения значения целенаправленной деятельности. *8а. Сухановка – это та страшная тюрьма, которая есть только у МГБ. Ею пугают нашего брата* (Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ). То же значение предикат *пугать* получает в высказываниях с модальными предикатами: *9а. А, во-вторых, Страшным его прозвали не напрасно, он любил всех пугать* (Белобров В. С., Попов О. В. Наступление королей). *...И тогда турки... собираются пугать нас переходом через Дунай...* (Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года). *Пробовали пугать, будто по соседству дом горит...* (Лесков Н. С. Левша). Надо заметить, что значение целенаправленной деятельности предиката *пугать*, а также *удивлять, раздражать, поражать, изумлять, ужасать* и других возможно только в контексте одушевленного субъекта. Ср.: *10а. Уши пугали своей величиной* (Мамлеев Ю. В. Дикая история), а также *Уши удивляли (раздражали, поражали, изумляли, ужасали, восхищали) своей величиной, но невозможно *10б. Уши специально (нарочно) пугали (удивляли, раздражали, поражали, изумляли, ужасали, восхищали) своей величиной. Уши любили (пробовали) пугать своей величиной*.

Тест № 2. На сочетаемость предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, с придаточным, вводимым союзом *чтобы*: **11а. Он огорчается (волнуется, поражается, изумляется, страшится, ужасается, удивляется, пугается, стыдится, смущается), чтобы..., но возможно 11б. Он возмущается, чтобы показать свое несогласие. ... Страшусь, чтоб, наконец, яд лести не проник в душу мою и не отравил добрых моих склонностей* (Фонвизин Д. И. Каллисфен). Такое употребление возможно только в значении «целенаправленная деятельность» (11б) или «имитация эмоционального состояния» 11в. *Он изумляется так громко, чтобы привлечь ее внимание*.

Тест № 3. На употребление предикатов, выраженных эмотивными глаголами русского языка, в повелительном наклонении. Ср.: **12а. Сердись (злись, восхищайся, огорчайся, волнуйся, поражайся, изумляйся, ужасайся, смущайся)*, но возможно *Страшись предательства!* (**Поражай, изумляй, страши, ужасай, смущай*). Как видно из примеров, формы типа *страшись* в эмотивном значении невозможны. Формы повелительного наклонения данных глаголов употребляются и в отрицательных конструкциях, а также с глаголом *перестать* в повелительном наклонении. *12б. Не волнуй (Не сердись) бабушку! Не тревожься так! Не удивляйся такому повороту событий! Не злись! Не зли (не беси) меня!* *12в. Перестань сердиться!* и т. д. В данных высказываниях возвратные эмотивные и переходные глаголы употреблены в значении пожелания.

Таким образом, рассматриваемая группа глаголов в эмотивном значении характеризуется семантическим признаком неконтролируемости и относится к предикатам состояния и свойства (*ужасаться – ужасать*). Приобретение ими значения «целенаправленная деятельность», «имитация эмоционального состояния», «возможность, долженствование» относит их в группу предикатов деятельности.

Заключение

Возвратные эмотивные глаголы и их конверсивные корреляты (переходные глаголы) были подвергнуты в русской лингвистической традиции комплексному анализу в семантическом, грамматическом, сочетаемом, словообразовательном планах. Это позволило выявить ряд их важнейших особенностей. Однако вопрос о месте данных глаголов в семантической классификации предикатов, а также характере соотношения возвратных эмотивных глаголов и их конверсивных коррелятов остается открытым.

Характер соотношения возвратного эмотивного глагола и его конверсивного коррелята не является тривиальным. В смысловом отношении переходный глагол более сложен, чем возвратный, т. к. содержит сему «каузативность», хотя с формальной точки зрения более сложным, как известно, является возвратный глагол. К числу отличительных признаков конверсивных пар эмотивных глаголов русского языка относятся неакциональность (способность обозначать ненамеренное действие), направленность на объект (переходный глагол) и замкнутость в себе (возвратный глагол),

способность употребляться в императивном значении преимущественно в отрицательных конструкциях, описывать эмоциональное состояние, переживание, отношение.

Предикаты, выраженные рассмотренными формами, входят в два семантических класса – свойства и состояния, что находит подтверждение в результатах семантических тестов на их локализованность / нелокализованность на оси времени. Согласно проведенным тестам, предикаты, выраженные конверсивными парами эмотивных глаголов, входят в группу предикатов состояния, что обусловлено их локализованностью на оси времени. К предикатам свойства относятся глаголы *ужасаться* – *ужасать*, т. к. их значение не локализовано на оси времени.

Семантические тесты на возможность / невозможность образования от данных глаголов производных с приставкой *по-* и на сочетаемость с фазисными глаголами *начать*, *продолжить*, *кончить*, по-разному распределяют исследуемые предикаты между классами свойства и состояния. Предикаты *пугаться*, *страшиться*, *ужасаться*, *удивляться*, *поражаться*, *изумляться*, *смущаться*, *стыдиться*, *раздражаться* и их конверсивные корреляты не способны обозначать отрезок временной оси, не присоединяют приставку *по-* и поэтому могут быть отнесены к предикатам свойства, в то время как глаголы *сердиться*, *злиться*, *возмущаться*, *беситься* образуют производные с уменьшительно-ограничительным значением и могут быть причислены к предикатам состояния. Глаголы же *страшиться* – *страшить*, *пугаться* – *пугать*, *ужасаться* – *ужасать*, *восхищаться* –

восхищать, *изумляться* – *изумлять* не сочетаются с указанными фазисными глаголами. Однако возможны сочетания конверсивных пар *волноваться* – *волновать*, *тревожиться* – *тревожить*, *сердиться* – *сердить*, *раздражаться* – *раздражать*, *злиться* – *злить*, *беситься* – *бесить*, *удивляться* – *удивлять*, *смущаться* – *смущать* с фазисным глаголом *начать* и невозможны с глаголами *кончить*, *продолжить*. Что касается пары *возмущаться* – *возмущать*, то возвратный глагол сочетается с фазисным глаголом *начать*, а переходный – нет. Сочетаемость с глаголами *продолжить*, *кончить* невозможна как с возвратным, так и с переходным глаголами. Таким образом, локализованность указанных предикатов на оси времени обуславливает их отнесенность в группу состояний, нелокализованность – в группу свойств.

Семантический признак неконтролируемости присущ исследуемым предикатам состояния в эмотивном значении. Приобретение этими предикатами значений «целенаправленная деятельность», «имитация эмоционального состояния», «возможность, долженствование» и, соответственно, признака контролируемости относит их в группу предикатов деятельности. Особенности семантической структуры описываемых предикатов определяются вхождением их в разные семантические группы и спецификой семантической структуры высказываний, содержащих данные предикаты, а именно наличием / отсутствием таких семантических ролей, как Эксперимент (при употреблении предиката в эмотивном значении) и Агенс (при употреблении предиката в значении «целенаправленная деятельность»).

Литература

1. Аристотель. Категории / пер. А. В. Кубицкого. М.: Ленанд, 2018. 80 с.
2. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. С. 77–100.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: URSS, 2019. 384 с.
4. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
5. Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1993. С. 67–77.
6. Кобозева И. М. О посессивности в русском языке: посессивные предикаты vs. генитив // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. 2015. Т. 11. № 1. С. 249–271.
7. Красина Е. А. Предикаты перформативного высказывания и речевого акта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 3. С. 29–36.
8. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 46–63.
9. Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1993. С. 111–120.
10. Иоанесян Е. Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 116–133.
11. Кобозева И. М. Отрицание в предложениях с предикатами восприятия, мнения, знания // Логический анализ языка. Знание и мнение / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 82–98.
12. Мешкова Т. Н., Губанов Г. Ф., Губанов А. Р. Интенсивность как признак предикатов интенционального состояния желания // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 252–255.
13. Шатуновский И. Б. Пропозициональные установки: воля и желание // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 155–186.

14. Труб В. М. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М.: Наука, 1993. С. 58–66.
15. Кодзасов С. В. Интонация предложений с пропозициональными предикатами мышления // Логический анализ языка. Знание и мнение / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 23–32.
16. Чень Ц. Типы предикатов в текстах новостных сообщений // Эпоха науки. 2018. № 14. С. 271–276. DOI: 10.1555/2409-3203-2018-0-14-271-276
17. Михеева Н. А. Каузация эмоционального состояния и эмоционального отношения в испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 23 с.
18. Недеяков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука, 1969. С. 5–19.
19. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.
20. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. 2000. № 1. С. 52–79.
21. Уауханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: URSS, 2019. 262 с.
22. Золотова Г. А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. 2-е изд., испр. М.: КомКнига, 2005. 352 с.
23. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М.: Изд-во. Акад. наук СССР, 1962. 247 с.
24. Яковлева И. Н. Семантическая категория состояния и средства ее реализации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 22 с.
25. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 86–157.
26. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1989. С. 55–75.
27. Леонова А. В. Неконтролируемая акциональная ситуация: способы выражения и семантические типы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 21 с.
28. Зализняк А. А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1. С. 59–66.

Russian Emotive Verbs in the Semantic Classification of Predicates

Olga A. Kukatova ^{a, @}

^a Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan, Uzbekistan, Tashkent

[@] kukatova.olga@mail.ru

Received 30.11.2019. Accepted 30.12.2019.

Abstract: The present research features predicates expressed by Russian reflexive emotive verbs. The paper focuses on statements containing reflexive emotive verbs and their convertible correlates, e.g. *volnovatsia* – *volnovat*, *trevozhitsia* – *trevozhit*, *serditsia* – *serdit*, etc. The research objective was to determine the place of these pairs of emotive verbs in the semantic classification of predicates of the Russian language. The author used the method of semantic testing for localization / non-localization on time axis and controllability / non-controllability. The method made it possible to assign these predicates to a particular class, as well as to reveal in their semantic structure a derived value that has not been fixed by explanatory dictionaries. As a result, the predicates were split into two semantic classes, i.e. properties and states. The division was confirmed by semantic tests for localization / non-localization on time axis and controllability / non-controllability. According to the tests, the predicates expressed by the convergent pairs of emotive verbs were included in the group of state predicates, due to their localization on the time axis. The semantic sign of uncontrollability was inherent in the studied predicates of the state in their emotive meaning. Acquisition by these predicates of the meaning "purposeful activity", "imitation of an emotional state", "opportunity, duty", and, accordingly, the sign of controllability made it possible to classify them as a group of activity predicates.

Keywords: semantic role, property predicate, state predicate, Experiment, Agent

For citation: Kukatova O. A. Russian Emotive Verbs in the Semantic Classification of Predicates. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 242–250. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-242-250>

References

1. Aristotle. *Categories*, tr. A. V. Kubitskii. Moscow: Lenand, 2018, 80. (In Russ.)
2. Shcherba L. V. *Language system and speech activity*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2004, 77–100. (In Russ.)
3. Arutiunova N. D. *Sentence and its meaning: Logical and semantic problems*. Moscow: URSS, 2019, 384. (In Russ.)
4. Bulygina T. V. Toward a predicate typology in Russian language. *Semantic types of predicates*, ed. Seliverstova O. N. Moscow: Nauka, 1982, 7–85. (In Russ.)
5. Arutiunova N. D. Secondary truth estimates: right, true. *Logical analysis of language. Mental actions*, eds. Arutiunova N. D., Riabtseva N. K. Moscow: Nauka, 1993, 67–77. (In Russ.)
6. Kobozeva I. M. On possessiveness in Russian: possessive predicates vs. genitive. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistikheskikh issledovaniy RAN*, 2015, 11(1): 249–271. (In Russ.)
7. Krasina E. A. Speech act and performative proposition predicates. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2016, (3): 29–36. (In Russ.)
8. Bulygina T. V., Shmelev A. D. The question of indirect questions: is their relationship with factuality an established fact? *Logical analysis of the language. Knowledge and opinion*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1988, 46–63. (In Russ.)
9. Paducheva E. V. To the aspectual properties of mental verbs: perfective aspect pairs. *Logical analysis of language. Mental actions*, eds. Arutiunova N. D., Riabtseva N. K. Moscow: Nauka, 1993, 111–120. (In Russ.)
10. Ioanesyan E. R. Problems of epistemic matching. *Logical analysis of the language. Problems of intentional and pragmatic contexts*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1989, 116–133. (In Russ.)
11. Kobozeva I. M. Denial in sentences with predicates of perception, opinion, knowledge. *Logical analysis of language. Knowledge and opinion*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1988, 82–98. (In Russ.)
12. Meshkova T. N., Gubanova G. F., Gubanov A. R. Intensity as desire intensionality predicate of marker. *Vestnik Chuwashskogo universiteta*, 2015, (4): 252–255. (In Russ.)
13. Shatunovskii I. B. Propositional attitudes: will and desire. *Logical analysis of the language. Problems of intensional and pragmatic contexts*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1989, 155–186. (In Russ.)
14. Trub V. M. Vocabulary of expedient activity (description experience). *Logical analysis of language. Mental actions*, eds. Arutiunova N. D., Riabtseva N. K. Moscow: Nauka, 1993, 58–66. (In Russ.)
15. Kodzasov S. V. Intonation of a sentence with propositional predicates of thinking. *Logical analysis of language. Knowledge and opinion*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1988, 23–32. (In Russ.)
16. Chen J. The types of predicates in news texts. *Epokha nauki*, 2018, (14): 271–276. (In Russ.) DOI: 10.1555/2409-3203-2018-0-14-271-276
17. Mikheeva N. A. *Causation of the emotional state and emotional relations in the Spanish language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2007, 23. (In Russ.)
18. Nedialkov V. P., Silnitskii G. G. Typology of causative constructions. *Typology of causative constructions. Morphological causative*, ed. Kholodovich A. A. Leningrad: Nauka, 1969, 5–19. (In Russ.)
19. Vasilev L. M. *Semantics of the Russian verb*. Moscow: Vyssh. shk., 1981, 184. (In Russ.)
20. Paducheva E. V. Causative and decausative verbs in the Russian language. *Rus. iaz. v nauch. osveshchenii*, 2000, (1): 52–79. (In Russ.)
21. Ulukhanov I. S. *The word-building semantics in the Russian language and the principles of its description*. Moscow: URSS, 2019, 262. (In Russ.)
22. Zolotova G. A. *Essays on the functional syntax of the Russian language*, 2nd ed. Moscow: KomKniga, 2005, 352. (In Russ.)
23. Ianko-Trinitaskaia N. A. *Reflexive verbs in modern Russian*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962, 247. (In Russ.)
24. Yakovleva I. N. *The semantic category of state and means of its implementation (based on Russian and English languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Voronezh, 2004, 22. (In Russ.)
25. Seliverstova O. N. The second version of the classification grid and the description of predicative types of the Russian language. *Semantic types of predicates*, ed. Seliverstova O. N. Moscow: Nauka, 1982, 86–157. (In Russ.)
26. Volf E. M. Emotional states and their representation in the language. *Logical analysis of the language. Problems of intensional and pragmatic contexts*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: Nauka, 1989, 55–75. (In Russ.)
27. Leonova A. V. *Uncontrolled action situation: methods of expression and semantic types*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2007, 21. (In Russ.)
28. Zalizniak A. A. The semantics of the verb "fear" in the Russian language. *Izvestiia AN SSSR Ser. lit. i iaz.*, 1983, 42(1): 59–66 (In Russ.)